

Х Международная конференция по когнитивной лингвистике (ICLC X) прошла 15–20 июля 2007 года в Кракове.

Конференция была очень представительной: она объединила более 600 участников, ежедневно в течение пяти дней на ней работало по 10 параллельных секций, а тезисы впервые за всю ее историю изданы не в одном, а в двух томах (причем настолько внушительных, что не поместилось ни оглавление, ни указатель имен). Поэтому хроника этой конференции требует особого, несколько более общего формата, чем обычный. Моей главной задачей будет не изложить содержание отдельных докладов, как это обычно принято, а показать доминирующие тенденции развития этого направления и их близость к российской лингвистической школе – с тем, чтобы в следующий раз российские лингвисты обратили большее внимание на ICLC: в этот раз российских участников было всего двое (правда, это обстоятельство может объясняться и непомерным оргвзносом, который установили организаторы, несмотря на то, что конференция была поддержана множеством грантов и спонсоров). Прошедшая, десятая, конференция была юбилейной: поскольку она собирается раз в два года, можно было бы говорить о двадцатилетнем стаже когнитивной лингвистики, но «старожилы» празднуют юбилей в 30 лет, т. е. ведут отсчет не с 1987–1988 гг., когда образовалось Общество и стал издаваться журнал «Cognitive linguistics», объединивший главные теоретические силы, а с 1977 г., когда начался знаменитый когнитивный проект в Калифорнии и стали публиковаться первые работы Л. Талми, Дж. Лакова, Ч. Филлмора, Д. Слобина и Р. Лангакера, послужившие стимулом для развития этого направления в целом. Его истории был посвящен специальный пленарный доклад Д. Герардса (Бельгия), который сам стоял у истоков, был организатором одной из первых конференций в Лувене и первым (и лучшим) редактором журнала. Широчайше образованный в самых разных областях знания, Д. Герартс является своего рода философом когнитивной лингвистики: в своих статьях разного периода он выявлял главные идеи когнитивной парадигмы и их место среди других течений и подходов и отслеживал изменения, которые эта парадигма претерпевала. В этом докладе, так сказать, «30 лет спустя», он определил роль когнитивного подхода как реконтекстуализацию лингвистического описания – т. е. возвращение к эмпирическому материалу как базе грамматического исследо-

вания. На смену «эталонным» примерам типа *кошка пьет молоко* эпохи структурализма и абстракциям в духе *зеленые идеи яростно спят*, свойственным генеративной и другим обобщающим теориям, пришли корпусные исследования и Грамматика конструкций, вновь обратившие описание языковой единицы к тексту и контексту, как собственно лингвистическому, так и прагматическому и социальному.

О социальном контексте и социальной составляющей языка (в противовес идее изолированности и врожденности) говорил К. Синха (Великобритания). Это была интересная, но довольно общая пленарная лекция, апеллирующая к последним исследованиям о связи человеческого языка с языками животных и месте человеческой культуры в других семиотических системах. А вот Р. Лангакер (США) на пленарной лекции представил свое собственное исследование, сопоставив близкие английские конструкции, в частности прямого дополнения (*Harvey saw a bomb sitting in his attic*), инфинитивного дополнения (*Harvey saw a bomb to be sitting in his attic*) и сентенциального дополнения (*Harvey suspects that a bomb is sitting in his attic*). Была определена (и, как и положено, в рамках его теории, схематически представлена) семантика каждого случая, но кроме того, перечислены типы предикатов, возможных для каждой из них и списки для представителей каждого типа. Таким образом в этом докладе, в полном соответствии с идеей Герардса, речь шла о собственно лингвистическом контексте, этот контекст действительно был достаточно хорошо определен и показана его (семантически мотивированная) связь с исследованными конструкциями. Это был очень ясный семантический доклад, который легко можно представить не только на конференции Н.Д. Арутюновой, но даже и на семинаре Ю.Д. Апресяна.

Понятно, что когнитивное направление существует в мире в обстановке жесткой конкуренции и противостояния с генеративным, оно (в отличие от генеративного, имеющего более устойчивое положение) должно все время доказывать свое преимущество, и, как кажется, в этом направлении делаются какие-то новые шаги, например, в области приложений когнитивного подхода.

О значимости прикладных исследований говорит то, что данная конференция имела свою тему: она называлась «От теории к приложениям и обратно». Под приложениями понимается в первую очередь преподавание иностранного языка: многие неамериканские когнитивисты являются англистами, как например, проф. Э. Табаковска, главный орга-

низатор форума в Кракове. Идея продемонстрировать преподавателям возможности когнитивного подхода с тем, чтобы расширить число его сторонников, – хороший аргумент в лингво-политической борьбе: трудно представить себе практический учебник английского, построенный на базе хомскианской теории. Между тем, в издательстве Бенджаминз недавно (2007) вышла книга известных ученых и организаторов когнитивной лингвистики Г. Раддена и Р. Дирвена под названием «Когнитивная грамматика английского языка» (на конференции был представлен доклад по этому проекту). Работала и специальная тематическая секция по когнитивным методикам усвоения английского (доклады касались модальностей, артиклей, предлогов, дативной конструкции, а также усвоению английского вида и времени немецкими учащимися). Да и тот же доклад Р. Лангакера (вопреки его сугубо теоретическому абстрактному названию «Контроль и дуализм сознания и тела: знание vs. воздействие») можно использовать как обучающий: в конце концов, он посвящен не самому простому фрагменту английской грамматики и, как кажется, освещает его в достаточной для учащихся степени.

Однако тема конференции сформулирована так, что между когнитивной теорией и ее приложениями (а в частности, и преподаванием) есть не только прямая, но и обратная связь (опять-таки, в противовес генеративному подходу). Этому аспекта коснулась в пленарном докладе Л. Янда (США – Норвегия). Последнее время она занималась созданием медиаучебников по самым трудным аспектам грамматик славянских языков – падежам и видам. Сами учебники (их фрагменты были продемонстрированы слушателям, выступавшим в данном случае скорее в роли зрителей) действительно опираются на идеи когнитивной семантики и соединяют в своих «фильмах» и апелляцию к прототипам языковых единиц, и прекрасные иллюстрации их употребления. Наверное, такими и должны быть учебники для будущих, нечитающих поколений учащихся. Но сама Л. Янда и ее ученик и соавтор С. Кланси в процессе работы над серией падежных учебников, переходя от одного славянского языка к другому на базе фиксированной методики описания, обнаружили существенное различие в том, как эти языки оперируют одним и тем же набором падежных средств. Это дало им возможность составить на славянском материале так называемую «семантическую карту» падежных значений; С. Кланси (США) делал затем доклад о ее пространственном варианте в рамках метода многомерного шкалирования, предложенного У. Крофтом и К.Т. Пулом (их работа по-

ка не опубликована) на базе теории оптимальности.

Еще очевиднее обратная связь теории и практики в другой прикладной области, характерной для когнитивной лингвистики, а именно, корпусных приложениях. Когнитивисты (опять-таки в отличие от генеративистов: Хомский отрицает роль корпусов и корпусной лингвистики) и ученые близких им направлений сразу «включились» в корпусные исследования; многие сами заняты созданием корпусов, ср. проект Филлмора «Framenet» (доклады по этому проекту были представлены учеными из Японии – Киоко Охара, а также Дайсуки Йокомора) или проект польского корпуса, одним из руководителей которого является Б. Левандовская-Томашчик (она тоже была организатором конференции в Кракове). Корпуса создаются, чтобы использоваться для развития теории, – не даром такое внимание получила общая секция под рук. Левандовской-Томашчик (на ней был представлен и доклад исследователей из Москвы по снятию семантической омонимии в Национальном корпусе русского языка Г.И. Кустовой, О.Н. Ляшевской, Е.В. Падучевой и Е.В. Рахилиной). И наоборот, теории требуют совершенствования корпусов – в этом отношении представляет интерес проект группы Pragglejazz из Свободного университета Амстердама, которые разрабатывают процедуру идентификации метафор (MIP) в тексте, а значит – в корпусе (группа названа так по первым буквам имен исследователей, в их число вошли такие известные специалисты по метафорам, как Дж. Грейди, Р. Гиббс, А. Ченки, З. Кёвечеш).

Но была и особая, тематическая секция по корпусным исследованиям. Организаторами ее были Д. Глин из Лувена (Бельгия) и К. Фишер из Гамбурга (Германия), а одним из главных действующих лиц – известный когнитивист молодого поколения, А. Стефанович (Германия), редактор нового европейского корпусного журнала «Корпусная лингвистика и лингвистическая теория». Любопытно, что его собственный доклад на этой секции был несколько периферийным по тематике – он касался типологии аргументной структуры, но практически каждое выступление опиралось на две его недавние (2004 г., № 8 и 9) статьи в Международном журнале по корпусной лингвистике о так называемых «коллоструктурах» (collostructures) – структурах, совмещающих в себе свойства коллокаций и конструкций, и методиках их сопоставления в разных языках. Эти статьи написаны в соавторстве со С. Грисом (США), и под их общей редакцией в издательстве Мутон вышло два новых (2006 г.) сборника «Корпуса в когни-

тивной лингвистике» и «Корпусный подход к метафоре и метонимии». Сам С. Грис тоже принимал участие в секции, в качестве соавтора славистики Д. Дивьяк, которая сейчас работает в Шеффилде (Великобритания), — они сопоставляли русские и английские конструкции с начинательными глаголами; в соавторстве с Э. Далем (Швеция) на той же секции Дивьяк представила корпусное исследование русских модальных конструкций с совершенным / несовершенным видом (*можно прийти / можно приходить*). В других работах секции корпусное исследование касалось предлогов в малых языках Бразилии и Французской Гвианы, дативной конструкции, а также причастий в нидерландском, порядка слов в немецком, английских идиом типа *have a laugh* и др.

Очень важно, что корпусная тема, как видно из этого обзора, выходила далеко за рамки одной тематической секции — практически каждое лексикологическое исследование, равно как и исследование конструкции, как в общих секциях, так и в других специальных, базировалось на корпусном анализе. Были на общих секциях и теоретические доклады, обобщающие корпусные исследования. Например, именно на общей секции А. Стефанович представил доклад «Отрицательный языковой материал и корпусная грамматика конструкций», где в полемике с Хомским, утверждавшим, что корпус не может предоставить исследователю «отрицательного материала», доказывал, что современные многомиллионные корпуса дают такую возможность благодаря частотным характеристикам и что возможны методики, отличающие случайное отсутствие примера в корпусе от языкового запрета на употребление. Таким образом, действительно когнитивная лингвистика твердо взяла курс на изучение живого языкового материала как базы для анализа.

Обратим теперь внимание на направленность других тематических секций (а их на конференции работало 20!). Среди них были: особняком стоящая фонологическая (редукция гласных, просодическая вариативность, особенности детей с аутизмом и посттравматическими отклонениями в произношении), а также: социолингвистическая (диалектные различия, прежде всего в Бельгии), психолингвистическая (усвоение языка детьми — релятивные конструкции, сложные вопросы и т.п.), секция поэтики (анализ конструкций в поэтическом дискурсе и нейролингвистические аспекты восприятия и интерпретации поэзии), историческая (диахроническое развитие конструкций, метафор и др.), секция по актуальным свойствам ситуаций, по выражению способа движения в языках мира, по исследованию метонимии, по мотивации в лексике,

конструкциях и метонимических сдвигах, две тематические секции по метафорам — частей тела и любви и гнева, и отдельно — о пространственной интерпретации времени в языке.

Как видим, все перечисленные секции ориентированы на конкретный языковой материал — прежде всего, текстовый, и в основном на исследование семантики — лексической, грамматической или синтаксической, а не на абстрактные построения, как на первых этапах когнитивной лингвистики, или на ассоциативные анкеты. Если раньше, лет 10–12 назад, скажем, на ICLC-V под лексико-семантическими исследованиями подразумевалась статистическая обработка опросов информантов (т. е. предполагалось, что для того, чтобы описать глагол *сидеть* нужно опросить не менее 100, а то и 500 информантов и спросить их, что они думают о сидении), то теперь почти нет ассоциативных семантических работ — их место прочно занял контекстный, сочетаемостный анализ, вполне совместимый с традициями Московской семантической школы или школы Логического анализа языка. Даже гендерная секция занималась исключительно типологией метафор, описывающих женщин или их поведение — т.е. лингвистической семантикой. Тот же лингвистический подход был представлен и в секции языка глухонемых, где в основном обсуждались конкретные значения, в обычных языках воплощенные в грамматике или лексике. Кстати сказать, эта интереснейшая область в нашей лингвистике почему-то полностью отсутствует: кажется, что специалистов-лингвистов по русскому языку глухонемых просто нет, и это огромное упущение.

На острове абстрактного теоретизирования на данной конференции остались только две очень небольшие секции — о сознании и об эмоциях и ментальных пространствах; частично к ним примыкала секция анализа юмора. Впрочем, на ней был представлен очень интересный и почти лингвистический доклад Д. Тагги (США).

Что касается общих секций, то они добавляют к тематике конференции немного: несколько докладов о жестах, пространственных предлогах и дискурсивных частицах (они явно вышли из моды), довольно много дейксиса — в основном традиционное *coming & going* (как видим, дейксис пока держится) и, традиционно, очень расширяют метафорическую зону (метафоры востребованы — точка в их исследовании пока не поставлена, потому что нет их сколько-нибудь приблизительного списка и неясна степень типологической релевантности). А сверх того — конструкции, конструкции, конструкции. Кто-то идет ровно след в след за классиками, а классиком почему-то считается не Ч. Филлмор, а А. Голдберг [Gold-

berg 1995], так что размножаются конструкции пути, результата, каузации движения – под копирку для разных языков. Но есть и независимые исследования, обычно касающиеся более грамматических конструкций, например, причастных или модально-аспектуальных.

Специальный акцент был сделан на то, что опора на объективные языковые данные не исключает интроспекции, – внимание к этому методологическому парадоксу привлек в первый же день конференции в своем пленарном докладе Л. Талми (США). Он заставил многих следующих докладчиков возвратиться к обсуждению этой идеи. Собственно, никакая оценка правильности (а она обязательна и при корпусном исследовании) невозможна без интроспективного анализа носителя, а лучше – носителя-лингвиста.

Итак, если подвести итоги, то на этой конференции для меня не оказалось, пожалуй, особенных лингвистических открытий, кроме общего приятного и вдохновляющего ощущения, что конференция перестала быть для меня чужой, что когнитивная лингвистика развивается в понятную мне сторону, что термин когнитивный постепенно сближается с термином семантический (может быть, понимаемым в несколько более широком смысле) и что есть большое сообщество, которое уже может – или сможет в самое ближайшее время – говорить на том же теоретическом языке, на котором удобно говорить мне и многим моим коллегам в России.

Мне нравится и корпусная ориентация работ, представленных на конференции, и их лексико-грамматический уклон, и их типологическое устремление. Очень важно, что при этом даже и в метафорических работах полностью отсутствует культурологический аспект как вывод из семантического анализа – ни в западных работах, ни в работах юго-восточных

участников, которых теперь, после Сеульской конференции, стало особенно много, этого нет: лингвистическая картина остается сугубо лингвистической и не затрагивает «мир». Более того, в докладе Левандовской-Томашчик прямо высказана близкая мне идея, что метафоры отстоят от современного среза языка так далеко во времени, что никакая синхронная «культурная» реконструкция на их базе недопустима.

Теперь организационные впечатления. Организация такой огромной конференции (600 человек) – очень хлопотное дело, не все выходит гладко. Трудно просто даже разместить столько секций в одном здании (а это удалось!), не говоря уже о том, чтобы устроить кофе-брейк в общем помещении, а без этого не получается полноценного общения. Есть и много интересных идей: например, юбилейное чествование отцов-основателей (*founding fathers*), награждение лучших молодых участников конференции, прямое сотрудничество с издательствами: сборники заказываются ими прямо руководителям секций!

Наконец – новости когнитивной лингвистической жизни. Председателем Общества на следующие два года выбрали известного американского (а теперь – норвежского) слависта Лору Янду, которую хорошо знают и в России. А следующая конференция будет в Беркли. Далеко. А что делать? Будем надеяться, что хоть в следующий-то раз Гуманитарный Фонд меня (или вас?) все-таки поддержит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Goldberg 1995 – A. Goldberg. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.

Е.В. Рахилина (Москва)